

**ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА»
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СССР**

В статье автор предпринимает анализ информационного «сопровождения» установления военного положения в Польше 13 декабря 1981 г., рассматривая также отдельные примеры отношения к этому исключительному событию советского общества.

Ключевые слова: военное положение, Польша, СССР, советское общество, реакция, влияние.

Введение военного положения в Польской Народной Республике в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. было, несомненно, событием исключительной важности. Вновь и вновь вызывает политические скандалы и судебные процессы, приковывает к себе внимание ученых и общественности этот единственный случай использования политическим руководством социалистической страны такого чрезвычайного механизма в качестве способа общественной стабилизации и выхода из кризиса. 1981 г. в Польше выбивается из цепи кризисов 1956 и 1968 гг. в Восточной Европе наличием небывало долгой и развернутой кампании по дискредитации «врагов социализма» в СМИ всех стран — членов Организации Варшавского договора. Наконец, обстоятельства, сопровождавшие введение Войцехом Ярузельским военного положения, продемонстрировали всю опасность и невозможность дальнейшего существования доктрины «ограниченного суверенитета» (или «доктрины Брежнева»). Сами советские руководители и в официальных высказываниях для СМИ, и в неофициальных подчеркивали суверенитет ПНР и ее самостоятельность в решении внутренних проблем, а свидетели происшедшего писали о смерти этой внешнеполитической концепции. Как нам представляется, успешность дальнейшего изучения разнообразных политических аспектов установления военного положения в ПНР связана, в первую очередь, с раскритикованием большого объема документальных источников. Тем не менее актуальными, как нам кажется, являются и предпринятый в данной работе анализ информационного «сопровождения» введения военного положения, и рассмотрение отдельных примеров отношения к этому исключительному событию советского общества.

Своеобразной точкой отсчета нарастания непримиримых и бескомпромиссных настроений во внешней политике стран социалистического лагеря по отношению к деятельности профсоюза «Солидарность», которые могли подтолкнуть руководителей соцстран к силовому варианту решения проблемы, послужил Гданьский съезд профсоюза в сентябре—октябре 1981 г. Среди важнейших документов, принятых на нем, необходимо отметить программу «Самоуправляемая Польша» [1] и «Обращение к трудящимся Восточной Европы» [2, с. 98], в котором выражалась надежда на создание таких профсоюзов во всех соцстранах. Это позволило советским официальным

* © Обьедков А. С., 2010

Обьедков Антон Сергеевич (Onyx-86@yandex.ru), кафедра зарубежной истории Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

комментаторам сделать вывод о совершении профсоюзом практических шагов по захвату политической власти в Польше¹.

Совещание Всепольской согласительной комиссии «Солидарности» в Радоме в декабре 1981 г. еще более накалило обстановку. Опасность создавшегося положения вещей понимали и другие руководители стран Восточного блока. Так, по сведениям самих польских источников, в Болгарской компартии возростала озабоченность дальнейшим развитием ситуации в Польше: «...недостаток решительных действий партии и правительства может привести к кровавым расправам над коммунистами» (как говорил в личной беседе член БКП П. Младенов, «будут стрелять и вешать вас») [3, s. 396]. А болгарские СМИ, следуя всем канонам идеологической борьбы, публикуют статьи под названиями «Открытая борьба за власть», «Сценарий контрреволюции» [3, s. 396]. По выделяемым сотрудниками польского посольства в Будапеште особенностям освещения польского кризиса венгерской прессой, среди которых особенно интересны «...подчеркивание нарастающей угрозы ситуации, критическая оценка экстремистских сил в “Солидарности”, ...подчеркивание того положения, что “соглашение с врагами социализма невозможно” [4, s. 395], четко видна полностью оформленная под влиянием советского руководства модель информационного восприятия польских событий и подготовки к решительным мерам против оппозиции.

Введение в декабре 1981 г. военного положения в ПНР казалось логической развязкой идеологической кампании, развернутой против «Солидарности» и достигшей в период совещания в Радоме своей кульминации. В результате проведения операции под кодовым названием «Пихта» в отдельных воеводствах удалось задержать от 90 до 100 % намеченных лиц [5, s. 18]. Отключение связи в большинстве случаев эффективно исключило возможность какой-либо широкой координации протестов [5, s. 18]. В результате четко спланированной и полностью подготовленной операции почти 10-миллионное общественное движение оказалось не только застигнутым врасплох, но и неспособным к организации значительного протеста.

Политические катаклизмы такого масштаба, естественно, не могли не вызвать интерес советских граждан — интеллигенция, представители рабочего класса, диссидентские круги давали собственные оценки происходившим событиям. Первые отклики на действия генерала Ярузельского последовали со стороны диссидентов. Многие из них, как выяснила в ходе бесед Т. Косинова, восприняли события 13 декабря крайне негативно с преобладанием пессимистических настроений: «Тогда стало ясно, что если переворот победил в течение одного дня, то он победил, уже победил...» [6], хотя данная акция и считалась меньшим злом, чем возможная советская интервенция. Развитие польского кризиса, особенно события конца 1981 г. дали дополнительный стимул нелегальной деятельности диссидентов. Источники «самиздата», например, сообщают о большом количестве арестов, связанных, в том числе, и с польскими событиями. Сюда можно отнести и так называемое дело «социалистов», членов кружка, арестованных 6 апреля 1982 г. в Москве, у которых были изъяты многочисленные экземпляры обращения русских инакомыслящих к польским рабочим [7, с. 266]. Совершенно ясную подоплеку имели и преследования членов СМОТа², которые, среди прочего, хранили у себя и записи передач зарубежных радиостанций о «Соли-

¹ См., например: К положению в Польше // Известия. 1981. 22 сентября; Чернышов В. Куда ведет «Солидарность»? // Известия. 1981. 23 сентября; К положению в Польше // Известия. 1981. 25 сентября; К положению в Польше // Известия. 1981. 1 октября и др.

² Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — нелегальная организация, возникшая в СССР в 1978 г. и провозгласившая себя фактически первым независимым профсоюзом. См.: Хроника защиты прав в СССР. 1981. Январь — март. С. 48 — 56.

дарности». Несмотря на волну арестов в 1980 – 1981 гг., увеличивается число обращений и приветствий польским рабочим – в качестве примера здесь можно привести «Обращение рабочих Центрально-Черноземного региона России к рабочим Польши», в котором деятельность профсоюза горячо поддерживалась, а «Брежневые, Ярузельские, Хонекеры и прочие вожди тоталитаризма» обвинялись в попытках «всеми силами... удержать свои угнетенные народы в голодном теле» [8, с. 261–262].

Применялись под влиянием польского опыта также и другие формы протеста. Так, в ноябре 1981 г. в Москве на ул. Жуковского появились надписи «Свободу Польше и Афганистану» и лозунги против КПСС [8, с. 257], а в Днепропетровске на здании обкома КПСС был вывешен лозунг «Мы солидарны со всеми, кто против Вас» [8, с. 257]. Весьма интересный обмен мнениями, по свидетельству очевидцев, состоялся в декабре 1981 г. в МГУ³.

В реакции на предпринятые чрезвычайные меры в «братской Польше» проявляло себя и политическое недовольство, смешанное с национальным вопросом. О влиянии «польских дел» на Грузию и Белоруссию указывал Ю.В. Андропов [9, с. 651]. А, например, в марте 1982 г. в Тбилиси во время футбольного матча между тбилисским «Динамо» и польской «Легией» распространялись листовки: «Пусть Польша будет Польшей» и «За вашу и нашу свободу» [10, с. 270].

Менее однозначно и определено можно оценить влияние чрезвычайных событий в Польше на умонастроения рабочих. Анализ мнений рабочих относительно происшедшего в ПНР демонстрировал значительную разницу их оценок, начиная от того, что «большинство рабочих в культурных центрах, в крупных городах поддерживали поляков... процентов 70» [6] до обличения «имперско-шовинистической», озлобленной реакции советских рабочих на события кризиса в ПНР в начале 1980-х гг. [11]. Все же серьезные причины для недовольства существовали и у советских трудящихся. По некоторым сведениям, только в 1981 г. было зафиксировано, по меньшей мере, 15 фактов волнений и забастовок на предприятиях [8, с. 212–217].

Не вызывает сомнений и тот факт, что значительная часть советской интеллигенции следила за событиями польского кризиса. Почти все поколение «шестидесятников» признавалось в своей любви к этой стране, которая представлялась им как очаг богатой, динамично развивающейся и открытой культуры⁴. Однако, по меткому замечанию М. Новицкого, острота восприятия событий интеллигенцией зачастую парадоксальным образом сочеталась с клише коммунистического воспитания [12]. Скорее всего, он имел в виду ряд идеологических стереотипов (например, вера в социалистический интернационализм, идеалы и блага социализма), которые не позволяли во многих случаях правильно оценить политическую ситуацию.

³ Это происходило в виде появления «граффити» следующего содержания: 14 декабря: «Позор военной диктатуре в Польше! Да здравствует “Солидарность!”», 15 декабря: «Покончим с диссидентами на филфаке! Пора кончать с анархией в Польше. Дураки! Нам же их кормить придется!», 16 декабря: «Господам марксистам и антидиссидентам: читайте Энгельса: «Тем менее свободы в государстве, чем более оно душит свободу других народов...». Свобода Польши – наша свобода!». См.: Хроника защиты прав в СССР. 1983. Вып. 47–48. С. 259.

⁴ См. например: Британишский В.Л. Польша в сознании поколения // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимнепонимание. М., 2000. С. 193.; Странною любовью. «Докторская лекция» Натальи Горбаневской // Новая Польша. 2008. № 11; Язневич В. Станислав Лем в русскоязычном мире // Новая Польша. 2008. № 5; Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., 2000. С. 325. О глубоком интересе и внимании к польским делам (как личном, так и своих коллег) рассказывал Ю. Левада: «...Когда были события, мы раз за разом обсуждали Польшу». См.: Последнее интервью Юрия Левады // Новая Польша. 2007. № 1.

В целом же, как свидетельствует Н. Иванов, «проводившаяся с широким размахом» кампания против «Солидарности», наоборот, возбудила интерес к независимому профсоюзу [13].

Поэтому не вызывают удивления известные из документальных источников интересные подробности подготовки к 13 декабря 1981 г. коммунистического руководства на Украине. Для сведения к минимуму возможных негативных последствий введения чрезвычайных мер в соседней стране в Киеве прошли проверки всех мест проживания польских студентов и специалистов, «чтобы проверить, какие настроения господствуют среди них» [14, s. 449]. Под контролем находились настроения жителей украинской столицы [14, s. 450]. В отчетах, направляемых в Москву, подчеркивалась поддержка польскими студентами действий, предпринятых властями ПНР [15, s. 452]. Делалось все, чтобы не допустить повторения «польского сценария», тем более что даже в условиях жесткого контроля и цензуры, как мы увидели, имели место интерес к действиям польских трудящихся и различная степень сочувствия делам «Солидарности». Поэтому в течение всего периода военного положения в прессе, исторической и политической публицистике в качестве своеобразной защитной реакции от силы польского влияния сохранялся ряд «мифов», связанных с данным кризисом. Это представление о кризисе как о спровоцированной исключительно иностранными спецслужбами враждебной акции по отношению ко всем восточноевропейским странам; подчеркивание роли отдельных упущений польского руководства в эскалации нестабильности в ПНР на фоне сокрытия объективных противоречий социалистической системы; создание образа беспринципных и расчетливых лидеров польской оппозиции. Подобная политика не позволила проявиться сколько-нибудь масштабным открытым формам протеста в СССР в период существования военного положения в Польше. Однако она не смогла остановить проникновение польского влияния (хотя часто и в сильно ослабленном виде) в социально-политическую сферу жизни советского общества, воздействия его на различные социальные группы.

Библиографический список

1. «Солидарность» и системные преобразования Центральной и Восточной Европы. URL: http://www.solidarnosc.gov.pl/files/rola_solidarnosci/rola_solidarnosci_ru.doc (дата обращения 20.02.10).
2. Drogi do Wolności. Drogi do wspólnej Europy. 1945–2007 / A Dudek [et al.]. Warszawa, 2008.
3. Nr 345. 1981 grudzień 9, Sofia – Szyfrogram nr 2783/IV z ambasady PRL do MSZ, tajne // Przed i po 13 grudnia. Państwa Bloku Wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980 – 1981: w 2 t. T. 2. Kwiecień 1981 – grudzień 1982. Warszawa, 2007.
4. Nr 344. 1981 grudzień 7, Budapeszt – Szyfrogram nr 2731/IV z ambasady PRL do MSZ, tajne // Przed i po 13 grudnia. Państwa Bloku Wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1981: w 2 t. T. 2. Kwiecień 1981 – grudzień 1982. Warszawa, 2007.
5. Stan wojenny w Polsce, 1981–1983. Warszawa, 2003.
6. Косинова Т. “Solidarnosc”: взгляд с Востока. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/05/solidarnosc.html> (дата обращения 22.11.07).
7. Хроника защиты прав в СССР. 1982. Январь – июнь.
8. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Frankfurt a. Main, 1982.
9. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945 – 1985. М., 2007.
10. Хроника защиты прав в СССР. 1983. Июль – декабрь.

11. Скобов А. Солидарность жива! URL: <http://www.hro.org/editions/karta/nr2/smot3.htm> (дата обращения 15.03.08).

12. Марек Новицкий о своей деятельности... URL: <http://www.hro.org/editions/powicki/#osm> (дата обращения 15.04.08).

13. Иванов Н. «Солидарность» и советские диссиденты // Новая Польша. 2005. № 11.

14. Nr 361. 1981 grudzień 14, Kijów – Informacja Komitetu Miejskiego KPU w Kijowie o reakcji mieszkaccyw miasta na wprowadzenie stanu wojennego w Polsce, tajne // Przed i po 13 grudnia. Państwa Bloku Wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980 – 1981: w 2 t. T. 2. Kwieciec 1981 – grudziec 1982. Warszawa, 2007.

15. Nr 363. [1981 grudziec po 14], Kijyw – Notatka informacyjna sekretarza KC KPU Wołodomyra Szczerbickiego dla KC KPZR na temat reakcji ludzi pracy Ukraińskiej SRR na ostatnie wydarzenia w Polsce // Przed i po 13 grudnia. Państwa Bloku Wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1981: w 2 t. T. 2. Kwiecień 1981 – grudzień 1982. Warszawa, 2007.

*A.S. Obyedkov**

MARTIAL LAW IN POLISH REPUBLIC: A REFLECTION OF THE «SOCIALIST FRIENDSHIP» CRISIS IN THE SOCIAL-POLITICAL SPHERE OF THE USSR

In this article the author attempted to carry out the analysis of the mass-media context of taking the martial law in Poland, in December, 13, 1981. He also paid the attention to the separate examples of the different soviet social group's opinion on the occasion of these extraordinary events.

Key words: martial law, Poland, the USSR, soviet society, reaction, influence.

* *Obyedkov Anton Sergeevich* (onyx-86@yandex.ru), the Dept. of Foreign History, Samara State University, Samarea, 4443011, Russia.